

© Сенюк Н.Ю.¹

Прямые иностранные инвестиции Китая в страны БРИКС сквозь призму глобальной политэкономии

***Аннотация.** Статья посвящена анализу теоретико-методологических проблем, связанных с преобразующим воздействием прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на глобальный политико-экономический ландшафт и международные отношения в рамках так называемого синтетического подхода. Предваряя исследование краткой характеристикой основных моделей описания процессов международного движения капитала, автор рассматривает результаты анализа в рамках глобальной политической экономики, что позволяет обрисовать многослойную картину глобального перераспределения власти и капитала в формирующейся новой геоэкономической, геополитической и – в более широком смысле – геочивилизационной реальности.*

Применение теоретико-методологических возможностей данного подхода к анализу эмпирических данных по участию Китая в международном движении капитала в странах БРИКС позволяет показать асимметричный характер его инвестиционного взаимодействия с экономиками государств-партнеров. Такая ситуация требует осуществления практических шагов по гармонизации преобразующего воздействия китайских

¹ **Сенюк Нинель Юрьевна** – кандидат экономических наук, доцент, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ; seniukninel@gmail.com

ПИИ на каждом из уровней их восприятия в странах-реципиентах и устранения асимметрии средствами компенсирующего политического и цивилизационно-культурного воздействия, которое КНР осуществляет в рамках своей концепции «сообщества единой судьбы». В то же время анализ динамических трендов инвестиционного взаимодействия Китая со странами БРИКС указывает на нарастание взаимных инвестиционных дисбалансов, что свидетельствует об усилении стремления КНР к доминированию не только в геоэкономической и геополитической областях, но и в цивилизационно-культурной и геостратегической сферах. Дальнейшее расширение пространства инвестиционного взаимодействия за счет присоединения к сообществу с 1 января 2024 г. новых стран-участниц в формате БРИКС+, несомненно, усилит глобальный инфраструктурный и экономический потенциал КНР, но вместе с тем будет способствовать соразвитию и других стран-партнеров.

Ключевые слова: КНР, БРИКС, БРИКС+, глобальная политическая экономия (ГПЭ), ПИИ, ПЗИ, международное движение капитала (МДК), неореализм, неолиберализм, неомарксизм, критический институционализм.

Введение

Группа стран БРИКС, как неформальное, но обладающее собственной развитой институциональной архитектурой международного сотрудничества объединение государств, располагающих значительным и быстрорастущим инвестиционным потенциалом «мягкого» преобразования экономической и социальной реальности, представляет собой уникальный глобальный политэкономический феномен, привлекающий пристальное внимание как теоретиков, так и практиков, – особенно с учетом итогов состоявшегося в августе 2023 г. в Йоханнесбурге XV саммита БРИКС и увеличения (с 1 января 2024 г.) числа членов этой группы (БРИКС+).

С теоретической точки зрения достаточно креативное воплощение идеи создания группы БРИК, ориентированной на развитие глобальной экономики, как бы «сошло с кончика пера» британского экономиста Джима О’Нила [O’Neil, 2001]. В кризисном 2008 г. проект обрел форму в составе четверки потенциальных локомотивов мирового экономического развития – Бразилии, России, Индии и Китая. В 2011 г. к БРИК присоединилась ЮАР. А спустя 15 лет с момента своего создания эта группа стран, действующая без фор-

мального руководящего органа, стала реально претендовать на роль нового институционального каркаса мультиполярного мирового порядка и ведущего локомотива устойчивого развития мировой экономики. Как отмечается в совместной декларации по итогам XV саммита, государства – члены объединения признают «важную роль совместной работы стран БРИКС в устранении рисков и решении проблем, стоящих перед мировой экономикой, в целях достижения глобального восстановления экономики и устойчивого развития» [XV саммит ... , 2023, с. 11], а их «многостороннее сотрудничество необходимо для ограничения рисков, возникающих в результате геополитической и геоэкономической фрагментации» [Ibid., с. 10].

Разумеется, с теоретической точки зрения, глобальное устойчивое развитие существенно зависит от его инновационных моделей и соответствующих многосторонних стратегий, а с практической – от наличия и способности обеспечивать требуемые для этого инвестиции, а также от возможности управлять глобальными рисками с учетом их прогнозируемой глобальной динамики как в краткосрочной (до двух лет), так и в долгосрочной (до десяти лет) перспективе. Показательно, что, по прогнозам ВЭФ, в предстоящем десятилетии в пятерке основных глобальных рисков процентная доля наиболее вероятного риска – нарастающей нестабильности экономик и отраслей на фоне усиления международной дивергентности – уменьшится с 69% (в краткосрочном горизонте планирования) до 34% (в долгосрочном), что произойдет, главным образом, за счет расширения опережающими темпами зон возобновленной стабильности (в 4,5 раз) и ограниченной волатильности (в 5,5 раз) [The global risk ... , 2023, p. 9]. Отсюда следует, что глобальная зона подобной нормализации, с учетом ее необходимого демографического и социально-экономического масштаба, может быть создана прежде всего в ареале стран БРИКС+ при условии ускоренного строительства требуемой для этого инфраструктуры. Поэтому страны – участницы БРИКС, отмечая «повышение спроса на инфраструктуру», подчеркивают, что одновременно «возрастает потребность в масштабах, инновациях и устойчивости» [XV саммит ... , 2023, с. 16]. Страны БРИКС «предлагают отличные возможности для инвестиций в инфраструктуру», которые «способствуют развитию человеческого потенциала, а также социальному, экономическому и экологическому развитию» [Ibid.].

Веские основания для такого рода уверенности представляет нарастающая динамика относительного вклада стран БРИКС в глобальные потоки международного движения капитала: этот вклад возрос с 1% в 2001 г. до 10% в 2010 г. и до 20% в 2020 г. Китай увеличил свою долю в накоплении прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из других стран – участниц БРИКС с 53% в 2010 г. до более 90% в 2020 г., а его собственные вложения в страны БРИКС за это десятилетие возросли с 38% до почти 70% (рассчитано по: [BRICS investment ... , 2023, p. 8]). При этом для РФ характерна противоположная тенденция, ее соответствующие абсолютные показатели остаются почти неизменными на фоне стремительно растущих китайских, что ослабляет инвестиционные позиции России в БРИКС. В частности, по накопленным прямым зарубежным инвестициям (ПЗИ) в других странах – участницах БРИКС Россия продемонстрировала наибольшие относительные потери за десятилетие (в 2,6 раза – с 28,5% в 2010 г. до 10,8% в 2020 г.), а по привлеченным в страну накоплениям из стран БРИКС – более чем пятикратные потери (в 5,3 раза – с 15,3% в 2010 г. до 2,9% в 2020 г.), уступив лишь ЮАР (падение в 6,3 раза) на фоне примерно двукратного снижения у Индии (в 2,1 раза) и Бразилии (2,4 раза) (рассчитано по: [BRICS investment ... , 2023, p. 10]). Еще более контрастной выглядит сравнительная картина российских и китайских потоков и накоплений ПИИ и ПЗИ, особенно с учетом того, что в 2010 г. позиции России и Китая в области инвестиционных потоков и накоплений были практически равны. Однако уже к 2021 г. по накопленным ПИИ российская экономика уступала китайской в 7,3 раза (498 млрд долл. против 3633 млрд долл.), а к 2022 г. – более чем в 10 раз (379 млрд долл. против 3883 млрд долл.) и несколько менее по накоплениям ПЗИ (к 2021 г. в 7,4 раза – 375 млрд долл. против 2785 млрд долл., а к 2022 г. в 9,3 раза – 315 млрд долл. против 2932 млрд долл.) [World investment ... , 2023, p. 196, 200].

Сравнительная структура глобальных рисков, а также социально-экономических и культурно-политических факторов, определяющих эволюционную динамику каждой из стран – участниц БРИКС, тоже достаточно интересна и неоднородна. Например, если обратить внимание на пять наиболее вероятных и значимых для стран БРИКС угроз и исключить из рассмотрения проблематичный 2022 г., можно отметить, что в 2021 г. лишь у Китая при-

существовали преимущественно глобальные риски, а внутренние социально-экономические и политические риски практически отсутствовали, в то время как у Бразилии и России оказалось больше всего внутренних рисков (по 4 из 5; при этом у Индии – 3, у ЮАР – 2) и только у России и Индии на первом месте оказались риски межгосударственных конфликтов [The global risk ... , 2022].

Все это еще более актуализирует запрос на тщательный анализ влияния потоков и накоплений ПИИ и ПЗИ в каждой из экономик стран – участниц БРИКС на динамику развития ситуации. В этом смысле особый интерес представляет анализ роли китайских ПИИ в широком контексте глобальной политэкономии.

Теоретико-модельные основания анализа потоков китайских ПИИ / ПЗИ в странах БРИКС сквозь призму политэкономии

Весьма разнородные социально-экономические и культурно-политические профили каждой из стран, составляющих группу БРИКС, а также разнообразие их политических систем и соответствующей институциональной архитектуры, в том числе ответственной за внутреннюю и внешнюю инвестиционную политику, обуславливают весьма пеструю динамическую картину формирования основного национального капитала и его зависимости от притока ПИИ в каждую из стран и, как следствие, – довольно высокую волатильность исторической динамики макроэкономических индикаторов или, по крайней мере, части из них [Сенюк, 2022]. Такая картина требует широкого политэкономического подхода к анализу национальных инвестиционных стратегий и их практической результативности – с учетом участия каждой из стран БРИКС в международном движении капитала и эффективности использования его результатов для модернизации и интернационализации собственного производственного потенциала. Необходимость подобного подхода связана с тем, что, несмотря на высокую степень политико-экономического и социокультурного разнообразия, общим для стран БРИКС является то, что фактически все они принадлежат к группе государств «запоздалой индустриализации» и «догоняющего развития». А это предполагает активную роль государства и стимулирующей политики, экономического национализма для мобилизации внутренних и внешних инвестиций (прежде всего – технологи-

ческих). Поэтому экономики стран БРИКС существенным образом отличаются от преимущественно неолиберальных развитых экономик. Кроме того, по мнению ряда экспертов, две страны – участницы БРИКС с наибольшей численностью населения – Китай и Индия – относятся к группе развивающихся стран, для экономик которых характерно предельное разнообразие институтов и политик – и в устоявшейся «старой», и в формирующейся «новой» реальности. Именно комбинация политических методов мобилизации инвестиционной активности, обычно сепарированных по трем основным группам (реализма, либерализма, конструктивизма / марксизма), находится в зрелом состоянии устойчивого воспроизводства нынешней «новой» реальности, после завершения всех исторических переходных процессов. Особенно это характерно для Китая, перешедшего в 1978 г. к политике «реформ и открытости»: эта политика представляла собой исторические изменения («время перемен»), соединившие (в исторически изменчивых пропорциях) процессы реформации, трансформации и институциональной инноватизации в уникальной картине национальных китайских преобразований, приведших к необратимым глобальным и даже геочивилизационным последствиям.

С теоретической точки зрения это означает, что на политической палитре Китая нашлось место для всех оттенков политэкономии, – классической, неоклассической и даже неклассической (с метафизическими элементами «единой судьбы»), – которые политическое руководство страны умело смешивало в разных пропорциях на разных этапах развития, создавая единую органичную китайскую картину не только видения, но и преобразования внутреннего и внешнего мира. Следовательно, для адекватного анализа международной инвестиционной деятельности КНР необходимо выбрать предельно широкую концептуальную политэкономическую рамку, с помощью которой можно легко обнаружить на всех этапах китайских градуалистских реформ присутствие ключевых элементов всех трех основных теоретических подходов, характерных для политэкономического дискурса. В концентрированной форме этот дискурс не только отражает весь свой исторический путь в специфическом китайском преломлении, но и претендует на современную роль глобального интегратора частных концептуально-теоретических политэкономических составляющих

прошлого в целостную геочивилизационную картину будущего как «сообщества единой судьбы», по крайней мере, насколько это относится к странам БРИКС.

Исторически сам термин «политическая экономия» был введен в оборот Антуаном Монкретьеном в 1613 г., хотя основополагающий вклад в его понимание внес Адам Смит полтора века спустя; и точно также первый концептуальный кирпич в фундамент реализма был заложен теорией меркантилизма (подробнее см.: [Marlin-Bennett, Johnson, 2021]). Основные компоненты меркантилизма приведены в таблице 1.

Таблица 1

Меркантилизм и его четыре концептуальных компоненты

1. Экономический интегратор раздробленного по регионам преимущественно аграрного хозяйства в единую систему национального государства.
2. Концептуальная основа понимания природы национального богатства и путей его создания на промышленной основе за счет концентрации ресурсов, накопления капитала, формирования спроса и стимулирования занятости.
3. Сущностное содержание политики как концентрированной экономики, ориентированной на уменьшение производственных издержек и усиление производственного потенциала государства в условиях конкуренции.
4. Вера в важность усиления власти и богатства национального государства путем лучшего использования ресурсов и производственных возможностей внутри страны и за рубежом.

Источник: составлено автором на основе: [Heckscher, 1935 ; Heckscher, Ohlin, 1991].

Как видим, все представленные в таблице 1 основные элементы легко обнаружить при историческом анализе первого этапа реформ в Китае (период 1978–1984 гг.), когда реформы реализовывались исключительно в деревне, в ускоренной и специфической «деревенской» китайской версии индустриализации, в сжатом виде повторяя пройденный Западом путь от феодализма к развитию на промышленной основе.

Следующий этап развития реализма пришелся на период бурного становления «традиционной индустриализации» западного типа, когда Александр Гамильтон и Фридрих Лист сформулировали основные положения теории экономического национализма (подробнее см.: [Gregory, 1931]). Сущность экономического национа-

лизма в контексте международной инвестиционной деятельности становится хорошо понятна из обрисованного в рамках данной теории перечня рисков, которые потенциально несет в страну приток иностранного капитала. Этот перечень представлен в таблице 2.

Таблица 2

**Экономический национализм: шесть опасностей,
требующих политического реагирования**

1. Чрезмерная зависимость от зарубежного рыночного спроса на отечественную продукцию.
2. Опасность захвата внутреннего рынка иностранным капиталом.
3. Опасность ослабления почетных и престижных интеллектуальных позиций страны, сформированных в процессе роста промышленности и финансовых структур, вследствие утечки мозгов, идей и технологий.
4. Нежелательность иностранного владения источниками критических ресурсов
5. Недостаточный уровень собственной продовольственной безопасности, представляющий угрозу национальной безопасности в случае войны.
6. Уверенность в том, что сохранение сельскохозяйственного уклада, как основы национального воспроизводства, гарантирует сохранение источника выносивших, храбрых и мотивированных солдат во время войны.

Источник: составлено автором на основе: [Gregory, 1931].

Китай заложил учет этих рисков в основу осторожного и постепенного (градуалистского) политико-экономического реформирования, проводившегося с начала 1980-х годов в рамках стратегически управляемого поэтапного открытия страны внешним рынкам. Первые инвестиции в создававшиеся на этом этапе поселково-сельские предприятия стали первыми значимыми рыночно-ориентированными институциональными инновациями. При этом сделанные в 1980-е годы (и интенсифицировавшиеся в начале 1990-х годов) первые довольно робкие шаги в сфере не только ПИИ, но и ПЗИ фактически подготовили почву для создания либерально-ориентированных правил игры для выходящих за рубеж предприятий, тем самым побуждая первопроходцев, а также все слои государственного, а впоследствии и частного бизнеса, постепенно вовлекавшиеся в эти процессы, абсорбировать и трансформировать на специфический китайский манер теорию и практику либерализма, восходящую к классическим работам А. Смита и Д. Рикардо, фокусируя внимание на технологических и институциональных пре-

имуществах либерализма как основе международной конкурентоспособности. Здесь уместно отметить, что именно выход классической политэкономии в международное пространство, за пределы национальных границ, позволил создать неоклассическую основу международной политэкономии (МПЭ) [Storper, 1992].

Китайские ПЗИ осуществляются прежде всего мелкими и средними частными компаниями и многонациональными корпорациями (МНК) с участием местных органов власти. Неолиберальные подходы хорошо объясняют логику их корпоративных стратегий, а демонстрируемая ими инвестиционная мотивация схожа с мотивацией традиционных западных корпораций; отличаются лишь количественные пропорции – больший приоритет имеет поиск стратегических активов, главным образом – высокотехнологичных и критических сырьевых (см. также: [Russian MNCS ... , 2016]). Что же касается крупных государственных МНК, ведущих драйверов инвестиционной политики государства, которые нередко выступают в качестве рыночных агентов правительства и зачастую используются властями для достижения целей неэкономического характера, то для анализа их деятельности необходимо привлекать марксистский и неомарксистский теоретический инструментарий (с учетом того, что он используется также и для формирования идеологической основы современной политической доктрины КНР).

При этом следует отметить, что до 1978 г. общественное сознание китайцев находилось под воздействием идей маоизма и вульгарного материализма, называвшегося в СССР «китайским ревизионизмом». Настоящее понимание «Капитала» Карла Маркса и «второе дыхание» в его освоении появились только в процессе рыночных реформ [Nie, 2018, p. 7] и послужили основой не только для дальнейшего творческого развития идей неомарксизма, но и для их «китаизации» – укоренения на мощном фундаменте традиционной китайской культуры, возводившемся на протяжении 5 тыс. лет. Си Цзиньпин отмечал: «Обширная, глубокая и выдающаяся традиционная китайская культура является тем фундаментом, на котором мы твердо стоим в условиях глобального смешения и столкновения культур. Давно сформировавшаяся китайская культура таит в себе глубочайшие интеллектуальные богатства. В них – символ уникальности китайской нации, обуславливающий ее существование, рост и развитие» [Xí Jìnpíng ... , 2023].

Соединение западной, восточной и китайской школ неомарксистской мысли дало мощный импульс дальнейшему развитию неомарксистских идей, превратив Китай в глобальный центр современного неомарксизма. Начиная с 2015 г., когда в Пекине прошел Первый Всемирный марксистский конгресс, КНР уделяет большое внимание разворачиванию всемирного фронта марксистских исследований при координирующей роли Фуданьского университета.

Как отмечалось на Первом конгрессе, «китаизация» позволила неомарксизму выйти за пределы собственно политэкономической теории (пусть даже утверждающей, что современный марксизм является самой влиятельной на планете системой мышления), сконцентрировать в себе «квинтэссенцию духа времени» и создать духовную основу для нового этапа развития человечества, соединив практический дух и революционное сознание. Второй Всемирный марксистский конгресс, прошедший в Пекине в 2018 г., уже рассматривал это новое революционное сознание как необходимое условие для глобальных геодивизиационных инноваций и источник формирования идейно-теоретической и духовно-культурной основы будущего глобального «сообщества общей судьбы» [Wang, Peters, 2023].

Таким образом в Китае был сформирован практический запрос на переход к более широкой концептуальной рамке глобальной политэкономии (ГПЭ). Основные эволюционные ступени на пути перехода от МПЭ к ГПЭ, соотносящиеся с определенными теориями и подходами, представлены в таблице 3.

Не останавливаясь подробно на эволюции всех составляющих ГПЭ, отметим только, что современный китайский неомарксизм представляет собой новый этап развития неомарксистской мысли – это не только простое сочетание неомарксизма с традиционной китайской философией, но и формирование некоего целостного, обособленного, органического и «живого» цивилизационного подхода в единстве с его материальной составляющей. Или, если говорить метафорически, – это единство материалистического «тела» (ортодоксального материалистического марксизма, раннего и послевоенного неомарксизма), политической «души» (социокультурного неомарксизма «с человеческим лицом») и инновационно-креативного «духа», гармонизирующего отношения человека с самим собой и с общей судьбой [Zeng, 2021].

Таблица 3

**От международной политэкономии (МПЭ)
к глобальной политэкономии (ГПЭ):
основные теоретические подходы**

Теоретический подход	Неореализм	Неолиберализм	Неомарксизм
1	2	3	4
	<p><u>От неомеркантилизма – к идеям самодостаточности и роста</u></p> <p>– Неомеркантилизм как политика зарубежной экспансии в странах «глобального Юга».</p> <p>– Теория зависимости развития.</p> <p>– Теория экономической самодостаточности.</p> <p>– «Delinking» (англ. «разрыв, отмена зависимости») как путь к полицентричной модели глобального равновесия.</p>	<p><u>От неоклассического либерализма – к неолиберальному институционализму</u></p> <p>– Неоклассический либерализм (либертарианство).</p> <p>– Кейнсианство (1936).</p> <p>– Теория взаимозависимости (Дж. Най и Р. Кохэйн, 1977).</p> <p>– Неолиберальный институционализм (Р. Кохэйн, 1984).</p> <p>– «Вашингтонский консенсус» (1989) и его критика.</p> <p>– Теория интеграции.</p>	<p><u>От раннего неомарксизма – к китайскому геополитическому неоконструктивизму</u></p> <p>1. Ранний неомарксизм (1923–1941): восточный (В. Ленин, Г. Плеханов, И. Сталин); западный (К. Корш, Д. Лукач, А. Грамши).</p> <p>2. Послевоенный неомарксизм (1945–1968): М. Хоркмайер, Г. Маркузе.</p> <p>3. Глобализация неомарксизма (1968–1991):</p> <p>– Советский неомарксизм (ленинизм);</p> <p>– Неомарксизм «с человеческим лицом»: экзистенциальный (Ж.-П. Сартр); гуманистический (Э. Фромм, Т. Адорно и др.); структуралистский (Л. Альтоуссер); эволюционный мир-системный (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, К. Поланьи).</p> <p>– Маоизм и китайский ревизионизм.</p> <p>4. «Китаизация» неомарксизма (1990-е –2010-е годы).</p> <p>5. «Одушевление» неомарксизма (3-е поколение Франкфуртской школы, Р. Кокс, М. Хардт, А. Негри, Ж. Бодрийяр).</p> <p>6. Интегральный (целостный) неомарксизм и китайский геополитический неоконструктивизм (подробнее см.: [Wang, Peters, 2023 ; Лукин, 2023].</p>

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4
<i>Тип власти</i>	<i>Реляционный</i>	<i>Структурный</i>	<i>Концептуальный</i>
Характер целей и средств их достижения	Цели: государственно-политические. Средства: экономические, военные.	Цели: геоэкономические и стратегические. Средства: политико-дипломатические, структурно-управленческие.	Цели: геоцивилизационные и геостратегические. Средства: геополитические, геоэкономические, геокультурные.
Ведущий принцип	Приоритет национальных и / или государственных интересов над частными и корпоративными.	Приоритет частных и / или корпоративных интересов.	Приоритет цивилизационно-культурного превосходства.
Основные игроки	Государство и регулируемый им рынок и рыночные субъекты, МНК.	Свободный рынок, частные корпорации, плюралистическая демократия, сервисное государство-корпорация, МНК, транснациональные и глобальные формы бизнес-кооперации (кластеры, агломерации) и межсекторального партнерства.	Политико-управленческие и цивилизационно-культурные институты и международные организации; ядерные, полупериферийные и периферийные государства; глобальные регионы и города; глобальные сети; МНК; виртуальные игроки.
Доминирующие стратегии	Стратегии позиционирования, пассивно-реагентные.	Стратегический манёвр (прорыв), реагентные, реагентно-проактивные стратегии.	РевOLUTIONно-трансформационные, институционально-креативные, проактивные стратегии.

Источник: составлено автором.

Профессор А.В. Лукин полагает, что этот процесс, который он называет «индигенизацией», ориентирован на выстраивание «китаеццентричной модели миропорядка, когда мир делится на культурную китайскую часть и варварскую», добавляя при этом, что в древности задачей китайского императора было не завоевывать варваров, а убедить их в превосходстве своей «блестящей» цивилизации [Лукин, 2023, с. 93].

Однако, на наш взгляд, с точки зрения теории ГПЭ, описывающей механизмы глобального распределения не только богатства, но и власти, гораздо более существенно то, что использование концептуальной власти в качестве системо-образующего принципа влечет за собой построение новой институциональной архитекто-

ники, принципиально отличной от традиционных вертикально-интегрированных форм международных организаций, которые описывала теория МПЭ.

В этом смысле сообщество стран БРИКС (и БРИКС+) является подходящим ареалом для китайской «индигенизации», которую страны-участницы могут приветствовать, используя различные термины: «сообщество единой судьбы» или «партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности» [XV саммит ... , 2023, с. 1].

Таким образом, с позиций глобальной политэкономии, анализ движения капитала из КНР в страны БРИКС сводится к рассмотрению процессов перемещения и распределения китайских ПИИ / ПЗИ в многослойном пространстве нескольких взаимосвязанных теоретико-концептуальных рамок: традиционной национальной политэкономии (НПЭ), МПЭ и ГПЭ. И поскольку инвестором в данном случае выступают китайские МНК, то описание этих процессов можно свести к рассмотрению динамики продвижения корпорации (фирмы) в глобальном инвестиционном пространстве, где ее действия регулируются сложными правилами «многослойной игры», установленными каждым из вышеупомянутых теоретико-концептуальных подходов – НПЭ, МПЭ и ГПЭ – в своей области применения.

Итак, мы можем переместить фокус нашего анализа на микроуровень фирмы, чтобы подобрать для него адекватную теоретико-методологическую основу. Разумеется, строгую математическую модель продвижения фирмы создать невозможно [Seniuk, Fabus, 2023]. Упрощенная идеализированная модель фирмы, стремящейся к росту, в том числе за счет инвестиций, была впервые предложена в пионерской работе Эдит Пенроуз [Penrose, 1959]. Основные положения теории роста фирмы Э. Пенроуз представлены в таблице 4.

Таблица 4

Теория роста фирмы Э. Пенроуз

Концепция фирмы и ее цели
1. Фирма создается с определенными целями.
2. Фирма функционирует в неравновесной модели роста, стремится поддерживать административное взаимодействие со многими заинтересованными сторонами.
Фирма как совокупность ресурсов. Центральная роль управленцев (менеджеров)
3. Фирма – это совокупность производственных ресурсов. Уникальные услуги, которые она предоставляет, используя данные ресурсы, являются драйверами ее роста.
4. Управленцы (менеджеры) играют ключевую роль в процессе преобразования ресурсов в услуги.
5. Менеджеры предоставляют как предпринимательские, так и управленческие услуги. Универсальность их предпринимательской деятельности имеет большое значение, поскольку формирует творческий подход к работе на благо фирмы.
6. Менеджеры с опытом работы – ключевые работники, способные выявлять субъективные возможности для роста фирмы и реализации ее проектов.
7. Накопленный менеджерами опыт в управлении ресурсами фирмы и творческий подход к работе позволяют им формировать свое «видение» доступных возможностей по удовлетворению имеющегося спроса на продукцию фирмы.
Неиспользованные / недоиспользованные ресурсы – драйверы роста, диверсификации и инноваций
8. Неиспользованные и недоиспользованные ресурсы – основной источник, который можно использовать для расширения фирмы, обучения, инноваций и получения дополнительной прибыли.
9. Специализированные ресурсы и специализированное использование ресурсов позволяют проводить диверсификацию продукции и услуг, обеспечивая основу для долгосрочного выживания фирмы, ее расширения и получения прибыли в конкурентной среде.
Управленческий опыт – главная проблема роста фирмы
10. Вместо традиционного вопроса «Каков оптимальный размер фирмы?» Э. Пенроуз задается вопросом «Каковы оптимальные темпы роста фирмы?» [Penrose, 1959, с. 2].
11. Главными факторами – ограничителями роста фирмы являются способности ее управленческого персонала (так называемый «эффект Пенроуз»).
12. Если фирма – намеренно или непреднамеренно – растет так быстро, что менеджеры и сотрудники расширяющейся организации не успевают получить опыт взаимодействия друг с другом, необходимый для продуктивной деятельности, эффективность работы фирмы уменьшается.
«Эффект Пенроуз» в процессе поглощений и международной экспансии как механизмов дальнейшего роста фирмы
13. Существует предел темпа роста фирмы, расширяющейся за счет поглощений.
14. Темп международной экспансии фирмы также ограничен наличием управленческого потенциала, способного координировать ее деятельность на зарубежных рынках. Но иногда приобретение филиалов за рубежом снижает потребность в прямом административном координировании, и тогда фирма может расти быстрее, чем в обычной ситуации международной экспансии.

Источник: составлено автором на основе [Penrose's ... , 2016].

Для разрешения всех проблем, отраженных в таблице 4, необходимо соединить три подхода, в рамках которых, как правило, рассматривают фирму: онтологический (О), телеологический (Т) и

эпистемологический (Э). Но построение теоретической модели почти невозможно даже в узких рамках онтологического подхода (т.е. при рассмотрении только структуры, компонентов и функционала фирмы), не говоря уже о телеологических рамках (рассмотрении целей и задач фирмы), и тем более – об эпистемологических аспектах деятельности фирмы, требующих описания ее субъективной природы [Suszynski, 2013, p. 30, 43]. В этих условиях приходится пользоваться упрощенными (как правило – неоклассическими) теоретическими моделями МНК, осуществляющей ПИИ / ПЗИ проекты.

К сожалению, несмотря на все многообразие существующих основных инвестиционных теорий и моделей (подробнее см.: [Сенюк, 2019]), даже в упрощенной модельной версии с использованием неоклассического подхода построить универсальную модель МНК так и не удалось. Однако был создан целый ряд моделей, удобных как для практического использования, так и для интерпретации в пространстве МПЭ. К числу наиболее популярных из них относится эклектический OLI-подход, разработанный Дж. Даннингом и в настоящее время ставший парадигмальным [Dunning, 2000]. Согласно этому подходу, конкурентные преимущества МНК в международном экономическом пространстве определяются ее преимуществами владения (*англ.* ownership – O), места размещения (*англ.* location – L) и способа внутрифирменной организации (*англ.* internalization – I).

Подобные модели помогли сформировать приемлемую методологическую основу для анализа эмпирических данных по глобальным потокам ПИИ / ПЗИ, что привело к созданию нынешней более-менее универсальной методологии ЮНКТАД (*англ.* United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD), оперирующей вполне понятными в рамках политэкономического анализа конструктами, в числе которых: объективные и более статичные макроэкономические предпосылки инвестиционного взаимодействия (детерминанты); внешние и более динамичные политико-регуляторные субъективные предпосылки (драйверы); внутрикорпоративные, субъективные инвестиционные мотивы лиц, уполномоченных принимать решения. Собственно, именно это и дает нам теоретико-модельную основу для анализа китайских прямых инвестиций в странах БРИКС.

Прямые иностранные инвестиции Китая и БРИКС

С точки зрения глобальной политической экономики ПИИ играют важнейшую роль в экономических процессах, выступая в качестве реструктуризатора капитальной основы воспроизводства материнской и принимающей экономик. Поэтому анализ глобальных и взаимных потоков капиталов в странах БРИКС вызывает пристальный интерес со стороны экспертного сообщества. Как видно из таблицы 5, сообщество БРИКС практически сразу, с момента своего возникновения, стало оправдывать прогноз Дж. О'Нила (см. выше: [O'Neil, 2001]), предъявляя возрастающие претензии на глобальное лидерство.

Таблица 5

Доля стран БРИКС в международном движении ПИИ в 2009–2022 гг. (% от мирового показателя)

Год	Входящие потоки	Исходящие потоки	Входящая накопленная величина	Исходящая накопленная величина
2009	16,26	8,30	8,55	4,38
2010	18,32	10,63	10,46	4,81
2011	18,51	9,00	10,37	5,30
2012	17,84	9,25	10,13	5,69
2013	18,59	12,80	9,77	5,95
2014	18,55	14,85	9,13	6,52
2015	11,83	10,20	8,81	7,09
2016	13,54	14,81	9,84	8,01
2017	16,46	14,44	9,43	8,74
2018	18,83	17,55	9,66	9,48
2019	17,24	13,87	9,84	9,35
2020	26,53	21,41	8,53	9,17
2021	24,08	16,23	11,79	9,13
2022	24,32	13,38	12,88	10,03

Источник: составлено автором на основе [UNCTADstat ..., 2023].

Несмотря на все геоэкономические и геополитические турбулентности и перипетии прошлого десятилетия и разноскоростную глобальную экономическую динамику отдельных стран-участниц, в целом БРИКС трансформировался в уникальный межконтинентальный мегарегион, ставший аттрактором потоков ПИИ и показавший, что способен наращивать их потоки в условиях интенсивного, но избирательного воздействия быстро растущего

протекционизма в инвестиционной политике развитых экономик. Об этом свидетельствует и значительно возросшая доля БРИКС в глобальных потоках импорта капитала (с 16,26% в 2009 г. до 24,32% в 2022 г.) при почти неизменном относительном уровне их совокупного накопления, и почти удвоившаяся за то же время доля экспорта капитала как в его ежегодных потоках (с 8,30% до 13,38%), так и в накопленных (с 4,38% до 10,03%). Характерно, что, хотя в начале рассматриваемого периода потоки ПИИ по сравнению с ПЗИ демонстрировали почти двукратное превосходство, уже к его середине совокупные глобальные экспортные потоки стран БРИКС по порядку величины не только сравнялись с импортными потоками, но в сложные (прежде всего – для Китая и России) 2016–2018 гг. превосходили их. В рамках модели «Путь инвестиционного развития» (ПИР) это свидетельствует о быстрой транснационализации и глобализации национальных экономик стран – участниц БРИКС, происходящей за счет достижения определенного синергетического политико-экономического эффекта. При этом бросается в глаза опережающий рост китайского потенциала «мягкой» силы как в глобальном измерении (см. табл. 6), так и во взаимных потоках ПИИ (табл. 7) и ПЗИ (табл. 8) внутри БРИКС.

Как следует из таблицы 6, Китай вышел из глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. значительно окрепшим, а его национальная экономика, согласно модели «Путь инвестиционного развития», стала быстро глобализироваться, о чем свидетельствует соотношение потоков и накоплений ПИИ / ПЗИ.

При этом соотношение потоков ПИИ из стран БРИКС в Китай (табл. 8) и потоков ПЗИ из Китая в страны БРИКС (табл. 7) демонстрирует явную асимметрию. Так, на фоне несколько уменьшившегося в 2018 г. притока в Китай совокупных потоков ПИИ из других стран – участниц объединения (до 176,7 млн долл. по сравнению со 180,6 млн долл. в 2009 г.) и более чем двукратного их уменьшения в 2019 г. (до 86,2 млн долл. с последующим падением до 33,23 млн долл. по итогам 2021 г.), совокупные экспортные потоки китайского капитала в страны БРИКС за тот же период резко возросли (более чем в 5 раз по итогам 2018 г. и в 3 раза в 2019 г.); хотя следует отметить, что в 2021 г. они существенно сократились, в том числе из-за сокращения вложений в РФ.

Таблица 6

**Динамика китайских ПИИ
в разрезе мирового движения ПИИ в 2009–2022 гг.**

Год	Оттоки ПИИ (млн долл.)	Притоки ПИИ (млн долл.)	Доля в мировых исходящих потоках ПИИ (%)	Доля в мировых входящих потоках ПИИ (%)	Накопленные ПИИ за рубе- жом (млн долл.)	Накопленные ПИИ в стране (млн долл.)
2009	56 529	94 061	4,77	8,01	245 755	472 148
2010	68 811	114 734	4,95	8,24	317 211	586 882
2011	74 654	123 985	4,58	7,68	424 781	710 867
2012	87 804	121 073	6,81	8,24	531 941	831 940
2013	107 844	123 911	7,40	8,44	660 478	955 851
2014	123 120	128 502	8,99	9,10	882 642	1 084 353
2015	145 667	135 577	8,52	6,59	1 097 865	1 219 930
2016	196 288	133 711	12,82	6,67	1 357 390	1 353 641
2017	158 288	136 315	9,94	8,29	1 809 037	1 489 956
2018	143 037	138 306	14,10	10,06	1 982 266	1 628 956
2019	136 908	141 225	9,77	8,27	2 198 881	1 769 486
2020	153 710	149 342	21,00	15,52	2 580 658	1 918 828
2021	178 819	180 957	10,34	12,24	2 785 150	3 633 317
2022	146 503	189 132	9,83	14,61	2 931 653	3 822 449

Источник: составлено автором на основе [UNCTADstat ..., 2023].

Таблица 7

Потоки ПЗИ из Китая в страны БРИКС (млн долл.)

Год	Бразилия	РФ	Индия	ЮАР
2009	116,27	348,22	-24,88	41,59
2010	487,46	567,72	47,61	411,17
2011	126,40	715,81	180,08	-14,17
2012	194,10	784,62	276,81	-814,91
2013	310,93	1022,25	148,57	-89,19
2014	730,00	633,56	317,18	42,09
2015	-63,28	2960,86	705,25	233,17
2016	124,77	1293,07	92,93	843,22
2017	426,27	1548,42	289,98	317,36
2018	427,72	725,24	206,20	642,06
2019	859,93	-379,23	534,60	338,91
2020	312,64	570,32	205,19	400,43
2021	146,45	-1072,3	279,46	363,59

Источник: составлено автором на основе [National Bureau of Statistics ..., 2023].

Таблица 8

Потоки ПИИ из стран БРИКС в Китай (млн долл.)

Год	Бразилия	РФ	Индия	ЮАР
2009	52,48	31,77	55,2	41,2
2010	57,25	34,97	49,31	66,47
2011	43,04	31,02	42,17	13,23
2012	57,60	29,92	44,06	16,05
2013	23,04	22,08	27,05	12,92
2014	28,11	40,88	50,75	5,89
2015	50,84	13,12	80,8	1,98
2016	46,67	73,43	51,81	3,82
2017	42,28	23,84	157,72	65,18
2018	31,19	56,77	47,54	41,85
2019	3,40	54,02	25,63	3,11
2020	29,54	11,26	12,01	6,12
2021	15,53	7,54	6,32	3,84

Источник: составлено автором на основе [National Bureau of Statistics ... , 2023].

В страновом разрезе та же самая общая картина выглядит еще более красноречиво: на фоне сокращения (особенно заметного с 2018 г.) капитальных вложений стран БРИКС в экономику Китая (см. табл. 8), происходившего не в последнюю очередь из-за нарастания западных санкций в ходе американо-китайской торгово-тарифной войны, инвестиционная экспансия КНР в страны БРИКС в тот же период стала резко нарастать (см. табл. 7). Исключением в данном случае является Россия: при относительном росте экспорта капитала из РФ потоки китайских ПЗИ в российскую экономику уменьшились до отрицательных значений в 2021 г. (-1072,3 млн долл.).

Подобные инвестиционные тренды в сочетании с высокой стратегически-ориентированной устойчивостью внешней политики КНР свидетельствуют не только о нарастании количественных характеристик китайской «мягкой» преобразующей силы, но и о качественной геополитически-мотивированной дифференциации китайской инвестиционной экспансии. Мягко балансируя между стратегическим партнерством и конкуренцией с наиболее крупными участниками БРИКС, КНР фактически занимается выстраиванием двухполюсной системы нового мирохозяйственного порядка, одновременно расширяя глобальное пространство своего экономического и политического доминирования. Важнейшую роль в

этих процессах играет китайская инициатива «Один пояс – один путь», в рамках которой КНР осуществляет инвестиционное управление инфраструктурным обустройством, особенно в странах Центральной Азии, а теперь еще и в новых государствах – членах БРИКС+: кто контролирует инфраструктуру, тот в значительной мере контролирует и все экономические процессы. При этом бизнес-круги принимающих китайские капиталы стран, особенно представители частного малого и среднего бизнеса, воспринимают инвестиционную политику Китая как неолиберальную. Хотя на самом деле эта политика, с учетом сильной внутренней и внешней роли китайского государства, гораздо лучше описывается в рамках неореализма, а с позиций глобальной политической экономики, отмечая проактивный и преобразующий характер инвестиционной политики КНР, – в рамках конструктивного институционализма, или даже некоего неоинституционализма, особенно с учетом нынешнего усиления бесструктурной концептуальной власти в БРИКС (и в БРИКС+).

Анализ исторической динамики потоков китайских ПИИ / ПЗИ представляет собой яркий пример использования их в качестве «мягкой» преобразующей экономической силы, способной не только активно влиять на геополитическую конфигурацию внутреннего пространства межстранового сотрудничества БРИКС, но и ощутимо воздействовать на внешний мирохозяйственный порядок и глобальную эволюционную динамику.

1. За полтора десятилетия своего существования, несмотря на отсутствие привычной для традиционных международных организаций вертикально-интегрированной (наднациональной) структуры, БРИКС стал глобальным институциональным каркасом новой геоэкономической и геополитической реальности. В значительной мере это произошло благодаря интенсивному участию стран-партнеров в международном движении капитала, с неуклонно возрастающим вниманием к повышению эффективности взаимного инвестиционного сотрудничества, вполне укладывающегося в логику неолиберализма в контексте глобальной политэкономии (ГПЭ).

2. Количественный сравнительный анализ исторической динамики потоков ПИИ / ПЗИ БРИКС с фокусировкой внимания на

китайских инвестициях качественно укладывается в логику «гравитационной модели» глобального распределения капиталов и экономической силы, явно выделяя Китай в качестве не только ведущего локомотива мировой экономики, но и проактивного конфигуратора новой глобальной инфраструктуры, как наземной, так и морской. А кто контролирует такую инфраструктуру, тот во многом контролирует и глобальную экономику, даже несмотря на протекционистскую реакцию и политику технационализма традиционных западных лидеров, вполне объяснимую в рамках нео-реализма.

3. Сравнительный анализ китайских потоков и накоплений ПИИ / ПЗИ, превышающих по своим количественным показателям совокупные вложения всех остальных участников БРИКС, отчетливо показывает ключевую роль инвестиций в усиливающемся экономическом превосходстве Китая в качестве несомненного лидера группы БРИКС. Однако вследствие отчетливо выраженных глобальных идейно-теоретических и политико-экономических лидерских притязаний Китая, за внешним фасадом его «мягкого» экономического превосходства явно просматривается усиливающееся стремление не только к геополитическому, но и геочивилизационному доминированию.

4. Совокупный анализ всех аспектов «мягкого» влияния китайской инвестиционной политики в БРИКС и в мире, проведенный с позиций глобальной политэкономии, в сочетании с наблюдающимся неуклонным уменьшением относительной доли России и других стран БРИКС в глобальных накоплениях капитала, приводит к выводу о том, что, несмотря на неоднократно декларирувавшееся стремление государств – членов БРИКС к становлению многополярного мирового порядка, фактически под воздействием стремления КНР к глобальному доминированию происходит постепенный сдвиг в сторону восстановления двухполюсного мира, правда, в несколько иной конфигурации, чем ранее.

5. Между тем дальнейшая реализация такого подхода со стороны Китая приводит к инвестиционному насыщению потенциальных факторов доминирования и нарастающей потребности в расширении глобального политико-экономического и цивилизационно-культурного пространства, доступного для «мягкого» системного преобразующего воздействия. Именно с этих позиций

следует рассматривать предстоящее с 1 января 2024 г. расширение состава участников группы (БРИКС+). Это расширение представляет собой довольно уникальный случай концептуальной интеграции в рамках ГПЭ столь разнородных по своему цивилизационно-культурному характеру субъектов, что их соединение в единую группу на традиционной структурированной основе многостороннего международного сотрудничества ранее представлялось практически невозможным. Тем не менее БРИКС+ становится новой геоэкономической реальностью с сильным геополитическим потенциалом. И это позволит Китаю посредством инвестиционного соразвития с новыми странами – участницами объединения, обладающими высоким потенциалом совокупной взаимной дополняемости, одновременно решать как внутреннюю проблему расширения доступного дружественного сегмента глобального экономического пространства, крайне необходимого для повышения устойчивости внутренней экономической динамики КНР, так и проблему внешнего лидерства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

XV саммит БРИКС : Йоханнесбургская декларация-II. (2023) / БРИКС. – Сэндтон. – 29 с. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (дата обращения: 04.12.2023) [*XV BRICS summit : Johannesburg declaration-II [XV sammit BRIKS : Johannesburgskaja deklaracija-II]* / BRICS. (2023). – Sandton. – 29 p. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (date of access: 04.12.2023)]. (In Russian).

Лукин А.В. (2023). Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе // Российское китаеведение. – Москва. – № 1 (2). – С. 71–99 [Lukin A.V. (2023). The concepts of «sinification of Marxism», a «new form of human civilization» and «civilization-state» in modern Chinese ideological discourse [*Koncepcii «kitaizacii marksizma», «novoj formy chelovecheskoj civilizacii» i «gosudarstva-civilizacii» v sovremennom kitajskom ideologicheskom diskurse*] // Russian Sinology. – Moscow. – N 1 (2). – P. 71–99]. (In Russian).

Сенюк Н.Ю. (2019). Влияние глобализации и внешнеполитического фактора на прямые иностранные инвестиции КНР // Модель развития современного Китая : оценки, дискуссии, прогнозы : научная монография. – Москва : Strategic research. – С. 305–317 [Seniuk N.Yu. (2019). The influence of globalization and foreign policy factors on foreign direct investment of the PRC [*Vlijanie globalizacii i vneshepoliticheskogo faktora na prjamyje inostrannye investicii KNR*] // Model of the development of modern China :

assessments, discussions, forecasts: scientific monograph. – Moscow : Strategic research. – P. 305–317]. (In Russian).

Сениук Н.Ю. (2022). Прямые международные инвестиции как средство экономического со-развития стран БРИКС в условиях пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 1. – С. 30–55 [Seniuk N.Yu. (2022). International direct investment as an instrument of economic co-development of the BRICS countries in the context of the COVID-19 pandemic [*Prjamyje mezhdunarodnyye investicii kak sredstvo jekonomicheskogo so-razvitiya stran BRIKS v usloviyah pandemii COVID-19*] // Current problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – N 1. – P. 30–55]. (In Russian).

BRICS investment report. (2023) / UNCTAD. – Geneva. – 30 p. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diae2023d1_en.pdf (date of access: 04.12.2023).

Dunning J.H. (2000). The eclectic paradigm as an envelope for economic and business theories of MNE activity // International business review. – Amsterdam : Elsevier. – N 9. – P. 163–190.

Gregory T.E. (1931). Economic nationalism // International affairs. – Oxford : Oxford univ. press. – Vol. 10. Issue 3. – P. 289–306.

Heckscher E.F. (1935). Mercantilism / Transl. by M. Shapiro. – London : George Allen and Unwin. – 916 p.

Heckscher E.F., Ohlin B.G. (1991). Heckscher-Ohlin trade theory / Transl. by H. Flam, M.J. Flanders. – Cambridge, MA : MIT Press. – 234 p.

Marlin-Bennett R., Johnson D.K. (2021). International political economy : overview and conceptualization / International studies association. – Oxford. – URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/display/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-239> (date of access: 04.12.2023).

National Bureau of Statistics of China : national data. (2023) / NBS. – Beijing. – URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm> (date of access: 04.12.2023).

Nie J. (2018). Why to pay attention to MEGA, 2nd edition in the study of Marxist thought // Theoretical horizon / China univ. of political science and law. – Beijing. – N 8. – P. 5–7.

O'Neill J. (2001). Building better global economic BRICs / Goldman Sachs Group. – New York. – 16 p. – (Global Economics Paper ; N 66).

Penrose E. (1959). The theory of the growth of the firm. – Oxford : Basil Blackwell. – 272 p.

Penrose's «The theory of the growth of the firm» : an exemplar of engaged scholarship. (2016) / Korl Y.Y., Mahoney J.T., Siemsen E., Tan D. // Production and operations management. – Hoboken, NJ : John Wiley & Sons. – Vol. 25. Issue 10. – P. 1727–1744.

Russian MNCS : empirical and theoretical aspects. (2016) / Bulatov A., Kuznetsov A., Kvashnin Yu., Maltseva A., Seniuk N. // Progress in international business research. Vol. 11 : the challenge of BRIC multinationals. – Leeds : Emerald Group Publishing. – P. 395–421.

Seniuk N., Fabus M. (2023). Theory of the firm, FDI and development in the light of the global challenges // Optimizing energy efficiency during a global energy crisis / Dinçsoy M.O., Can H. (Eds.). – Hershey, PA : IGI Global. – P. 307–326.

Storper M. (1992). The limits of globalization : technology districts and international trade // Economic geography / Clark univ. – Worcester, MA. – Vol. 68. Issue 1. – P. 60–93.

Suszynski C. (2013). Business enterprise : the integration of approaches. – Warsaw : Główna Szkoła Handlowa w Warszawie. – 254 p.

The global risk report 2022. 17th edition. (2022) / World Economic Forum. – Cologny. – 118 p. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2022.pdf (date of access: 04.12.2023).

The global risk report 2023. 18th edition. (2023) / World Economic Forum. – Cologny. – 98 p. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2023.pdf (date of access: 04.12.2023).

UNCTADstat : data centre. (2023) / UNCTAD. – Geneva. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (date of access: 04.12.2023).

Wang C., Peters M.A. (2023). Contemporary Chinese Marxism : disciplines, teaching platforms and status quo of basic academic research // Educational philosophy and theory / Philosophy of education society of Australasia (PESA). – Claremont, WA. – Vol. 55. Issue 8. – P. 887–887.

World investment report 2023 : investing in sustainable energy for all. (2023) / UNCTAD. – Geneva. – 232 p. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_en.pdf (date of access: 04.12.2023).

Xí Jīnpíng zài xuéxí guānchè dǎng de èrshí dà jīngshén yántǎo bān kāi bān shì shàng fābiǎo zhòngyào jiǎnghuà. (2023) / The State Council of the People's Republic of China. – Beijing. – 02.07. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/07/content_5740520.htm (date of access: 04.12.2023) [Xi Jinping delivered an important speech at the opening ceremony of the seminar on studying and implementing the spirit of the 20th National Congress of the Communist Party of China. (2023) / The State Council of the People's Republic of China. – Beijing. – 02.07. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/07/content_5740520.htm (date of access: 04.12.2023)]. (In Chinese).

Zeng Nan. (2021). Zhōngguó shì xiàndàihuà xīn dàolù de wénmíng gāodù // People's daily online. – Beijing. – 02.11. – URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2021/1102/c148980-32271299.html> (date of access: 04.12.2023) [Zeng Nan. (2021). The height of civilization in the new path of Chinese-style modernization // People's daily online. – Beijing. – 02.11. – URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2021/1102/c148980-32271299.html> (date of access: 04.12.2023)]. (In Chinese).

© Seniuk N.Yu.¹

Foreign direct investment of China in the BRICS countries through the lens of global political economy

Abstract. *The article is devoted to the analysis of theoretical and methodological problems associated with the transformative impact of foreign direct investment (FDI) on the global political-economic landscape and international relations within the framework of the so-called synthetic approach. Prefacing the study with a brief description of the main models for describing the processes of international capital movement, the author examines the results of the analysis within the framework of global political economy, which allows to paint a multi-layered picture of the global redistribution of power and capital in the emerging new geo-economic, geopolitical and – in a broader sense – geo-civilizational reality.*

The application of the theoretical and methodological capabilities of this approach to the analysis of empirical data on China's participation in international capital flows in the BRICS countries allows us to show the asymmetrical nature of its investment interaction with the economies of partner states. This situation requires the implementation of practical steps to harmonize the transformative impact of Chinese FDI at each level of their perception in recipient countries and to eliminate asymmetries through the compensatory political and civilizational-cultural influence that the PRC carries out within the framework of its concept of a «community of common destiny». At the same time, an analysis of the dynamic trends in investment interaction between China and the BRICS countries indicates an increase in mutual investment imbalances, which points to a desire of the PRC to dominate not only in the geo-economic and geopolitical fields, but also in the civilizational-cultural and geostrategic spheres. Further expansion of the space for investment interaction through the accession of new participating countries in the BRICS+ format from January 1, 2024 will undoubtedly strengthen the global infrastructure and economic potential of the PRC, but at the same time it will contribute to the co-development of other partner countries.

¹ **Seniuk Ninel Yurievna** – PhD in Economics, Associate Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University «Higher School of Economics»; seniukninel@gmail.com

Keywords: *China, BRICS, BRICS+, global political economy, FDI, OFDI, international capital movement, neorealism, neoliberalism, neo-Marxism, critical institutionalism.*

Статья поступила в редакцию (Received) 20.10.2023

Доработана после рецензирования (Revised) 18.11.2023

Принята к публикации (Accepted) 20.11.2023